

значит, он сумеет хорошо выразить и чужие, что и требуется от переводчика — ведь известно, что среди качеств, необходимых представителям этой профессии, владение родным языком стоит на первом месте, далеко опережая владение иностранным.

Во-вторых, этюд как ничто другое отражает степень доступной его автору творческой свободы, широту его фантазии, нестандартность и образность его мышления. Если человек пишет на чистом, хорошем русском языке, но эмоционально и интеллектуально скован, ограничивается стандартными логическими ходами и самой распространённой, «безопасной» фразеологией, возникает опасение, что и в переводах он будет из осторожности затушёвывать своеобразие оригинала, сглаживать острые углы, а это, возможно, самое большое преступление, которое может совершить переводчик: ведь откровенные ошибки в переводе по крайней мере дают читателю понять, что автор оригинального текста в них не виноват, а если перевод грамотен, но безлик, читатель часто даже не подозревает, что автор оригинала здесь ни при чём и скучной книга стала именно по вине переводчика.

Третья причина важности творческого этюда для оценки потенциала будущего переводчика довольно тесно связана со второй, но всё же заслуживает того, чтобы поставить её особняком. На мой взгляд, самыми многообещающими можно считать тех абитуриентов, чьи сочинения отличаются не только отсутствием скованности, но и явной увлечённостью. Казалось бы, если автор этюда пишет грамотно и нестандартно, чего ещё от него требовать? Требовать, может быть, и не нужно, однако опыт показывает, что в дальнейшем лучшими студентами становятся те, кто способен по-настоящему увлечься предложенной на экзамене темой и взяться за её раскрытие не просто с изобретательностью, но и с азартом. Дело в том, что профессиональный переводчик должен уметь находить золотую середину между подстрочником и тем, что именуется нехорошим словом «отсебятина», а студенты, как правило, держатся слишком близко к оригиналу, и помочь отойти от него на нужное расстояние может только искренняя увлечённость текстом — именно благодаря ей у переводчика возникает спасительная уверенность в своих силах и своём праве на риск, без которой он никогда не добьётся в своей работе полноценных результатов. Не беда, если автор этюда даст своему воображению излишнюю волю и «заврётся»; если при этом он сохранит языковую дисциплину и продемонстрирует хотя бы зачатки литературного вкуса, вполне можно рассчитывать, что в будущем из него получится неплохой переводчик.

**М. В. ЗОРКАЯ\***

### **ЭКЗАМЕН, КОТОРЫЙ НЕ ПОДВЕДЁТ**

Этюд — важнейший вступительный экзамен у нас в Литературном институте. Он даже важнее собеседования, на котором мы — приёмная комиссия, представители деканатов, да и все преподаватели, равнодушные к составу

---

\* Мария Владимировна Зоркая (Жданова) — переводчик, литературовед, профессор кафедры художественного перевода, руководитель семинара перевода с немецкого языка, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); [худperevod@litinstitut.ru](mailto:худperevod@litinstitut.ru)

будущих студентов, — можем оценить серьёзность намерений абитуриента и некоторую его подготовку. Но общее наше впечатление на собеседовании за круглым столом в 24-й аудитории обусловлено множеством непредсказуемых факторов. Вот, например, жара, а время на часах — пять вечера. По алфавитному списку перед нами появляется какая-нибудь девочка — может, и способная, но с фамилией на букву Ш. Она с утра ещё помнила, что написал Герцен, родившийся этажом ниже, а теперь даже его памятник под сенью деревьев двоится у неё в глазах... Нет, этюд — дело чистое. За четыре часа любое дитя, чьим творчеством восхищались не только мама с папой, но и уважаемые литинститутские рецензенты, может сконцентрироваться и создать убедительный текст.

Примечательно, что идея этюда в качестве экзамена существовала в Литинституте не всегда, а возникла когда-то в конце 1980-х. Причём не только из высоких, но из самых прагматических соображений: как иначе проверить авторство вступительной работы? Правда, в былые времена, когда литература в школе ещё считалась наиважнейшим предметом, существовал иной способ познакомиться с индивидуальным творчеством абитуриента. Где-то в глубинах институтского архива хранится моё, например, вступительное сочинение на простую школьную тему «Гражданская лирика Пушкина». А ну, юный литератор, сядь-ка сегодня да напиши! Докажи, что знаешь тему, мыслишь нестандартно и владеешь пером. И ты провалишься сразу, потому что тебя этому не учили. Иное дело — этюд.

Разумеется, к этюду тоже предъявляются чёткие требования, зафиксированные в рубриках, пунктах и баллах, и мы им неукоснительно следуем. Но сколько раз, бывает, показываешь коллеге какой-нибудь текст на бумаге со штампом да говоришь: «Смотрите, в этом что-то есть!» Именно так, основной критерий оценки этюда — «что-то», далее расчленённое по рубрикам. В лучшем случае это талант. В более распространённом случае это некоторые литературные способности.

Конечно, сам процесс творчества индивидуален, он совсем не предполагает присутствия полусотни людей в помещении, да ещё и преподавателя-надзирателя, да ещё и ограниченного времени на сочинительство. Конечно, все мы помним об этом, оценивая сданные работы. Но всё-таки именно здесь прочитывается или не прочитывается профессиональная пригодность сочинителя. Талантливым или бездарным может быть и письмо, в том числе электронное, и объяснительная записка, и даже какое-нибудь заявление, если оно «не по форме», — словом, любой авторский текст. Оказываясь в полной конкурентов аудитории, человек оказывается заодно и в изначальной позиции писателя, автора: он наедине с чистым листом бумаги.

Именно это и составляет предмет моей особой гордости. Несколько десятилетий назад, когда у нас придумали этюд, никто и помыслить не мог, что качество знаний и уровень способностей будут проверяться посредством правильно расставленных галочек в списке невнятных вопросов. Словно предвидя новое время, наш творческий вуз давно дал ему свой инновационный ответ. Этюд как экзамен логически продолжает традиции и разработки, которые Литературный институт накапливал со дня основания в 1933 году.